

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк

МОДЕЛЬ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

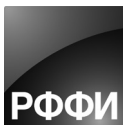
ДИНАМИКА | ФАКТОРЫ | МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

*Под редакцией доктора социологических наук
Н. Е. Тихоновой*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 316.4
ББК 60.54
М74

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-111-00038, не подлежит продаже*

Рецензенты: д-р экон. наук *Е. М. Аврамова*, д-р социол. наук *Ю. В. Латов*

М74 Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н. Е. Тихоновой. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 368 с.
ISBN 978-5-4469-1419-7

Книга посвящена анализу специфики и динамики доходной стратификации российского общества и ориентирована как на научных работников, так и на преподавателей вузов. В ней представлен развернутый обзор использующихся в российской и зарубежной практике подходов к доходной стратификации и обоснована оптимальная для российских условий методология выделения доходных групп при построении структуры общества по доходам. В центре внимания авторов также динамика модели доходной стратификации в России за последние несколько десятилетий, факторы попадания в те или иные доходные группы, специфика жизни и поведения представителей составляющих этих групп. Особый интерес представляет сравнительный анализ модели доходной стратификации в России с ситуацией в этой области в других странах мира, в т.ч. в динамике.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-4469-1419-7

© Коллектив авторов, 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Хромов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 12.09.2018. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 23

Тираж 300 экз. Заказ № 1243

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Введение

Изучение социальной структуры общества допускает рассмотрение различных ее срезов. Можно выделять классовую структуру социума, анализировать составляющие его стилевые группы, строить модели стратификации по уровню жизни, рассматривать его профессиональную неоднородность и т. д. Одним из базовых срезов изучения структурированных неравенств в нем выступает и модель его доходной стратификации, комплексному анализу которой в современном российском обществе посвящена данная книга.

Стратификация по уровню доходов относится к числу одномерных типов стратификации, в основе которых лежит один признак — уровень дохода, определяющий неравенство групп в вертикальной иерархии конкретного сообщества. Использование однокритериальной шкалы «низкодоходные — высокодоходные» дает возможность получить численные оценки наименее и наиболее благополучных в этом отношении групп населения, определить риски расширения зоны бедности и малообеспеченности, оценить степень неравенства в обществе, выявить изменения, происходящие в нем с доходами различных групп под влиянием разных фаз экономического цикла — кризиса, рецессии или роста. Велика роль подобной шкалы и в сфере государственной социально-экономической политики, где данные о доходном распределении являются основой для принятия многих управленческих решений — от режимов налогообложения до мер поддержки тех или иных групп населения.

Доходное неравенство является самым острым и болезненным типом социальных неравенств, поскольку именно через доходы реализуется первоочередной доступ не только к экономическим, но и ко многим социальным благам. В этой связи анализ модели доходной стратификации и ее устойчивости во времени, изменений ее характера и глубины существующего в обществе неравенства, включая «разбег» полюсов, локализацию населения

в пространстве доходов, численность и состав отдельных доходных групп и т. д., необходим для лучшего понимания современного состояния российского общества, особенностей его социальной структуры и перспектив дальнейшей динамики. Кроме того, доходы являются наиболее удобным и понятным показателем при сравнении положения населения разных обществ. Соответственно, модели доходной стратификации позволяют соотнести в этом отношении Россию с другими странами мира и определить вектор эволюции российского общества в контексте неоднородности тенденций общемирового развития, выявив специфику трансформационных процессов в нашей стране в межстрановом контексте.

Особую актуальность проблеме доходной стратификации сегодня придает специфика социально-экономической ситуации, сложившейся в России в последние годы, когда население страны столкнулось со значительным снижением своих доходов после продолжительного периода экономического роста начала и середины 2000-х гг., за который успели сформироваться определенные стандарты потребления. В этих условиях остро стоит вопрос не только о количественной оценке динамики доходов различных групп россиян, но и о том, какие качественные изменения произошли в их жизни в этой связи и могут ли эти изменения повлечь за собой нарастание негативных тенденций в социально-экономическом и политическом развитии России.

В то же время серьезной литературы, посвященной проблеме доходной стратификации российского общества, особенно учитывающей тенденции ее изменения в 2014–2017 гг., удивительно мало. Возможно, это связано с тем, что, на первый взгляд, проблема доходной стратификации кажется достаточно простой — данные по структуре российского общества с точки зрения доходов населения регулярно публикуются ФСГС РФ. Однако они не позволяют построить модель стратификации по доходам, пригодную для корректного изучения характеристик и факторов принадлежности к различным группам, их динамического сравнения и международных сопоставлений. Экономические и социологические выборочные обследования также собирают данные о доходах, однако их анализ обычно ведется только в логике оценки динамики номинальных и реальных доходов, но не изучения модели доход-

ной стратификации в целом, в том числе как отражения специфики этапа развития российского социума.

В этой связи задачи исследования, результаты которого предлагаются читателю в данной книге, определились его основной целью — комплексным изучением состояния и динамики модели доходной стратификации российского общества и численности отдельных составляющих ее групп за последние 25 лет с учетом международных сопоставлений, а также территориально-поселенческих особенностей этой модели внутри самой России.

Нетипична для России, хотя, как показано в книге, широко используется в мире, и методология проведенного исследования. В этой связи надо отметить, что разработка методологии анализа доходной стратификации, позволяющей выделить реальные, а не статистические социальные группы, представляет собой очень нетривиальную задачу. Хотя доходная стратификация является одним из наиболее простых подходов к анализу социальной структуры, она требует учета не только размера доходов, но и особенностей распределения доходного неравенства, выделения относительно однородных по их жизненным возможностям доходных групп, оценки устойчивости особенностей этих групп и специфичности характера их реакции на социально-экономические шоки. Сложность этой задаче добавляет и тот факт, что подходы к определению и анализу стандартов жизни, отражающихся в доходах, в современной социологической и экономической литературе очень многообразны, в т. ч. в зависимости от уровня развития страны и существующего в ней типа социума, напрямую связанных с ее прошлым историческим опытом и особенностями культуры. В разных странах и на разных этапах их развития для выделения групп в рамках доходной структуры используются поэтому не просто различные границы, но принципиально разные подходы к определению этих границ.

Поиск ответа на вопрос о том, какой из этих подходов является оптимальным для России, — самостоятельная научная задача. Подробно эта проблема с использованием большого числа зарубежных и российских источников освещена в первом разделе данной книги, однако уже сейчас отметим, что как в российской практике (в т. ч. в данных ФСГС РФ), так и в международных исследованиях

доходных неравенств (проводимых, например, Всемирным банком) для развивающихся стран, к каковым обычно относится и Россия, используется абсолютный подход к доходной стратификации, т. е. определение групп через границы, априори задаваемые конкретными суммами доходов. В то же время проведенный нами эмпирический анализ, результаты которого изложены в первом разделе книги¹, показал, что в российских условиях более целесообразным является применение не абсолютного, а относительного подхода к доходной стратификации, также широко используемого в мире, но в основном в развитых странах. Одна из вариаций этого подхода основана на использовании медианных значений доходов, отражающих типичный уровень жизни конкретного общества на определенном этапе его социально-экономического развития. Именно эта методика и легла в основу исследования, результаты которого изложены в данной книге.

Кроме исключительно методологических сюжетов, в первом разделе монографии дана также характеристика особенностей жизни и поведения представителей различных доходных групп и их реакции на кризис 2014–2016 гг. Зафиксированная при этом специфика свидетельствует о том, что выделенные в рамках построения модели доходной стратификации группы — это реальные социальные группы, различающиеся особенностями их жизненных возможностей и установок. Еще одним свидетельством этого стали результаты анализа рисков, которым подвержены представители этих групп, прежде всего — рисков оказаться в числе бедных при ухудшении экономической ситуации в стране, также представленные в первом разделе книги.

Во втором разделе книги² дается характеристика российской модели доходной стратификации с учетом ее динамики за последние 25 лет и проводится ее сравнение с ситуацией в ряде других стран мира, прежде всего — разных типов европейских стран.

¹ Авторами глав, входящих в первый раздел книги, являются В. А. Аникин (главы 1.1 и 1.3), Ю. П. Лежнина (глава 1.1), С. В. Мареева (главы 1.2 и 1.5), Е. Д. Слободенюк (глава 1.6). Ю. П. Лежнина и С. В. Мареева являются также авторами данного введения.

² Авторами глав, входящих во второй раздел книги, являются А. В. Каравай (главы 2.1 и 2.5), Ю. П. Лежнина (глава 2.4), Н. Е. Тихонова (главы 2.1, 2.2 и 2.3) и Е. Д. Слободенюк (глава 2.6). Н. Е. Тихонова является также автором заключения к данной книге.

В разделе показано, что Россия по типу доходной стратификации массовых слоев населения относится к странам европейского культурно-цивилизационного ареала, но отличается от них чрезвычайно глубоким отрывом элитных и субэлитных групп от массовых слоев общества, характерным для неевропейских ареалов развития. В этом же разделе представлены и результаты анализа пространственной неоднородности нашей страны в контексте проблематики доходной стратификации и продемонстрировано, что общая модель доходной стратификации корректно отражает локальное неравенство в населенных пунктах разного типа с учетом свойственных им стандартов жизни. Отдельно рассмотрены также вопросы, связанные с обусловленностью принадлежности россиян к тем или иным доходным слоям различными факторами индивидуального характера: пола, возраста, уровня образования, сферы занятости и т. д. Самостоятельным сюжетом в рамках этого анализа стало и изучение факторов бедности в российском обществе.

Реализация такого комплексного, многоаспектного замысла стала возможна только благодаря использованию в процессе анализа богатой эмпирической базы. В нее вошли данные ряда тематических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за 2004–2017 гг., исследований Института комплексных социальных исследований РАН и Российского независимого института социальных и национальных проблем за 1994–2003 гг., а также широко известного во всем мире Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 1994–2015 гг.³ Для международных сопоставлений были использованы данные Международной программы социальных исследований (The International Social Survey Programme⁴), позволившие провести сравнение эволюции моделей доходной стратификации в России и ряде стран из разных регионов мира — от Швеции и Германии до Мексики и Венесуэлы — за период 1994–2015 гг. Широко используются в книге и статистические данные, причем как показатели ФСГС РФ, так и Всемирного банка и других международных организаций.

³ См. подробнее Приложение 1 и примечания относительно эмпирической базы анализа в тексте книги.

⁴ Подробнее об этой Программе см. www.issp.org.

В заключение хотелось бы выразить глубокую благодарность руководству Института социологии ФНИСЦ РАН и в первую очередь его директору, академику М. К. Горшкову, за предоставленные для исследования данные и постоянную поддержку нашего научного коллектива. Искреннюю благодарность за поддержку хотелось бы выразить и руководству Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в особенности директору Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Н. Овчаровой. Особо хотелось бы отметить также, что наше исследование осуществлялось при участии Российского фонда фундаментальных исследований, профинансировавшего проект «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении (1992–2017)»⁵, ставший завершающей точкой работы нашего авторского коллектива по проблематике доходной стратификации.

⁵ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-03-00290.

Глава 2.6. Факторы относительной и абсолютной бедности

В главе 2.5 были представлены результаты анализа причин, приводящих к попаданию в различающиеся по величине их доходов группы и слои населения. Однако не менее важна и проблема факторов, обуславливающих попадание не в низкодходные слои, а в безусловную бедность. При этом особого внимания заслуживает вопрос о том, имеем ли мы в случае рассмотрения факторов абсолютной и относительной бедности дело с одними и теми же факторами, или же они различаются между собой. Именно этому и посвящена данная глава, в которой мы рассмотрим сходства и различия групп факторов попадания в группу абсолютно бедных (т. е. обладающих доходами ниже величины прожиточного минимума в регионе проживания) и относительно бедных (с доходами менее 0,5 региональной медианы), а также проанализируем причины, которые привели к бедности представителей обеих групп, и их ключевые характеристики. Несмотря на то, что в данной книге используются в основном страновые показатели распределения доходов, в этой главе мы применяем именно региональный показатель медианы среднедушевых доходов, поскольку показатель прожиточного минимума устанавливается в России для каждого региона отдельно.

Прежде чем переходить непосредственно к результатам проведенного анализа, отметим, что, согласно последним исследованиям, факторы бедности «по доходам» остаются в целом неизменными на протяжении последних полутора десятков лет¹. В их число входят:

¹ См.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014; Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1; Можина М.А., Овчарова Л.Н., Попова Р.И., Прокофьева Л.М. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. / под ред. Т.М. Малевой. Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги, 1998; Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения

- *социально-демографические характеристики*: проживание в сельской местности; иждивенческая нагрузка (в первую очередь детьми и неработающими трудоспособными); плохое здоровье; пол (женский); возраст (предпенсионный либо пенсионный с одновременным наличием хронических заболеваний);
- *социально-экономические характеристики*: уровень образования (не выше среднего специального); характер занимаемой профессионально-должностной позиции (позиции рутинного труда в первичном, вторичном и третичном секторах экономики); низкий уровень заработной платы и др.;
- *ситуационные и личностные характеристики*: семейные трагедии (смерть или тяжелая болезнь кормильца и т. п.); наркомания, алкоголизм и т. п. у кого-то из членов домохозяйства и пр.

Стоит отметить, что в последние годы усилился риск т. н. постиндустриальной бедности, связанный с расширением среди российских работников процессов прекаризации². В этой связи

бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16; *Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; *Akerele D., Momoh S., Adewuyi S. A., Philip B. B. & Ashaolu O. F.* Socioeconomic determinants of poverty among urban households in South-West Nigeria. International journal of social economics, 2012. Vol. 39. No. 3; *Bhalla A. & Lapeyre F.* Poverty and Exclusion in a Global World, 2nd revised edition. New York: Palgrave, 2004; *Chow N. W.* My experience researching poverty over the past 35 years // China Review. 2015. Vol. 15. No. 2; *Green M. & Hulme D.* From correlates and characteristics to causes: Thinking about poverty from a chronic poverty perspective // World development. 2005. Vol. 33. No. 6; *Marsh K.* The causes of poverty and inequality in the united states: Towards a broader view / Rycroft R. S. (Ed.). The economics of inequality, poverty, and discrimination in the 21st century (Vol. 1 — Causes). California: ABC—CLIO, 2013; *Rodriguez A. G. & Smith S. M.* A comparison of determinants of urban, rural and farm poverty in Costa Rica // World Development. 1994. Vol. 22. No. 3; *Thorat A., Vanneman R., Desai S. & Dubey A.* Escaping and falling into poverty in India today // World development. 2017. Vol. 93; *Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D.* The Heterogeneous Character of Russian Poverty Through the Prism of the “Deprivation” and the “Absolute” Approaches // Sociological Research. 2015. Vol. 54. No. 1; *Townsend P.* International analysis of poverty. New York: Routledge, 2013.

² *Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12; *Слободенюк Е. Д.*

важным фактором бедности выступает факт занятия индивидом профессионально-должностных позиций, которые не гарантируют устойчивой занятости и соблюдения трудовых прав (официального оформления на работе, выплаты «белой» заработной платы, оплаты больничного листа, а также отсутствия у россиян властного ресурса на своей работе).

Таким образом, российские исследователи имеют консенсус относительно наиболее значимых факторов абсолютной бедности. В этой связи встает вопрос, а какова сравнительная сила влияния перечисленных факторов на вероятность попадания в абсолютную бедность? Конечно, мы не первые, кто задается этим вопросом, и среди многих посвященных ему работ надо прежде всего выделить исследования Л. Н. Овчаровой и ее группы³. Однако сравнительная значимость разных факторов бедности может со временем меняться. Кроме того, разные массивы данных, в силу специфики использованных в них инструментариев, предоставляют неодинаковые возможности проверки соотношения значимости разных факторов бедности.

Исходя из этих соображений и необходимости иметь одинаковый набор факторов для анализа относительной и абсолютной бедности, нами на данных 3-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г.) был проведен регрессионный анализ с использованием бинарной логит-регрессии. В качестве зависимой переменной в нем выступал бинарный индикатор бедности (факт принадлежности индивида к группе бедных по абсолютному подходу). С опорой на исследования последних лет, а также с учетом ограничений имевшихся эмпирических данных, нами были сформированы четырнадцать возможных факторов бедности, в числе которых были:

- *факторы иждивенческой нагрузки*, т. е. наличие в домохозяйстве хотя бы одного иждивенца из числа: 1) трудоспособных, не имеющих работы, 2) неработающих пенсионеров или инвалидов 1- или 2-й групп, 3) несовершеннолетних детей;

Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2.

³ См., например: Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданян Е. Г. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / сост. Е. В. Шепелева; науч. ред. Л. Н. Овчарова. Вып. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

- *социально-экономические факторы, связанные со спецификой места индивида на рынке труда и его места в системе отношений занятости*⁴, в т. ч.: 1) образование индивида, 2) характер занимаемой им профессионально-должностной позиции, 3) тип предприятия, на котором он работает⁵, 4) «серый» характер его заработной платы или отсутствие официального оформления на работу⁶, 5) наличие у индивида властного ресурса на рабочем месте⁷;
- *прочие факторы*: 1) наличие в домохозяйстве респондента алкоголиков и наркоманов, 2) признаки материальной депривации, индикатором чего является отсутствие собственности на квартиру или дом, в котором проживает домохозяйство респондента, 3) тип населенного пункта, в котором проживал индивид, 4) его пол, а также 5) возраст и 6) возраст в квадрате для учета нелинейной формы связи в случае ее наличия⁸.

⁴ См.: *Goldthorpe J. H.* Occupational sociology, yes: Class analysis, no: Comment on Grusky and Weeden's "research agenda" // *Acta Sociologica*. 2002. Vol. 45. No. 3.

⁵ Примечательно, что до недавнего времени отечественная литература по факторам бедности не уделяла должного внимания типу собственности предприятий как специфического фактора бедности, на что указывали зарубежные коллеги (см.: *Kazuhiro K.* Research on poverty in transition economies: A meta-analysis on changes in the determinants of poverty // *Journal Transition Studies Review*. 2016. Vol. 23. No. 1).

⁶ Подробнее см.: *Chen M., Vanek J. & Heintz J.* Informality, gender and poverty: A global picture // *Economic and Political Weekly*. 2006. Vol. 41. No. 21; *Kallenberg A. L., Reskin B. F. & Hudson K.* Bad jobs in America: Standard and nonstandard employment relations and job quality in the United States // *American sociological review*. 2000. Vol. 65; *Standing G.* The precariat: The new dangerous class. London: A&C Black, 2011.

⁷ Согласно *Wright E. O.* Class counts: Comparative studies in class analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁸ Из общего перечня факторов бедности, представленных в табл. 2.26, 12 были представлены дихотомическими переменными. Как «1» в соответствии с гипотезой об их положительном влиянии на вероятность попасть в бедность («0», для всех иных вариантов ответа) кодировался: в № 1–3 в табл. 2.26 — факт наличия хотя бы одного иждивенца из указанных, в № 4 — среднее специальное образование и ниже, в № 5 — факт занятия профессионально-должностной позиции, не требующей высшего образования, или статус рабочего, в № 6 — работа на негосударственном предприятии, в № 7 — отсутствие официального оформления на работу

Наибольшую трудность с точки зрения определения целесообразности их включения в модель представляли факторы бедности, указанные в табл. 2.26 под № 4–6. Однако в силу значимости каждого из них все три эти переменные были использованы нами в анализе, а риск их взаимного влияния был нивелирован включением в регрессионную модель различных совместных эффектов от их одновременного проявления. Логистическая регрессия на указанном наборе факторов оценивалась методом максимального правдоподобия. В качестве статистического критерия качества модели использовались глобальные экстремумы логистических функций максимального правдоподобия и базирующиеся на них критерии: коэффициент детерминации МакФаддена, модифицированный байесовский информационный критерий (BIC') и информационный критерий Акаике (AIC), а также данные теста Хосмера — Лемешова на объяснительную силу модели⁹.

При работе с эконометрикой авторы придерживались в целом дедуктивной стратегии построения модели, наиболее распространенной в прикладных исследованиях, причем не только в России. Однако проведенный эконометрический анализ не является в строгом смысле слова «тестирующим гипотезы», поскольку в нем был реализован принцип «обучения из данных» и статистической целесообразности. При выборе статистически более оправданной модели авторы опирались на пошаговую стратегию моделирования Д. Хосмера и его коллег. В числе прочих действий эта стратегия предполагает проверку на робастность эффектов, полученных при оценке «полной» модели, путем включения и исключения незначимых, а также простых и множественных совместных эффектов в различных комбинациях. Стоит сказать, что одновременное

по решению работодателя или выплата части заработной платы неофициально, в № 8 — полное отсутствие властного ресурса на рабочем месте, в № 9 — наличие вредных привычек (в т. ч. алкоголизм, наркомания) у кого-либо из членов семьи, в № 10 — отсутствие собственности на квартиру или дом, в котором проживает домохозяйство, в № 11 — проживание в сельской местности (ПГТ в данном случае были отнесены к городскому типу поселений и закодированы как «0»), в № 12 — женский пол.

⁹ См.: Long J.S. Regression models for categorical and limited dependent variables. California: SAGE Publications, 1997; Hosmer D., Lemeshow S. & Sturdivant R.X. Applied Logistic Regression (3rd Edition). New York: John Wiley & Sons, 2013.

снятие всех незначимых регрессоров приводило к существенному ухудшению качества модели. Также не все совместные эффекты оказались значимы или оценки их влияния вели себя очень нестабильно. Мы оставили только наиболее робастные из них. Со всеми оценками эффектов (логитов), влияющих на вероятность попадания в бедность, а также их стандартными ошибками читатель может ознакомиться в табл. 2.26 (см. модель 3). Показатели качества моделей приведены в табл. 2.27¹⁰.

Поиск наиболее удачной бинарной логит-регрессии был произведен в пять этапов (см. табл. 2.26). Одновременное включение всех перечисленных факторов бедности в регрессионную модель (модель № 1) продемонстрировало ее высокую объяснительную способность, однако при этом ряд факторов бедности (приведенные в табл. 2.26 под номерами 2, 6, 7 и 9) являлись незначимыми даже на 95% интервале.

Перед тем как удалить переменные под номерами 2, 6, 7 и 9 из модели, нами была произведена проверка регрессии на потенциальное ухудшение ее объяснительной способности при их поочередном (или одновременном) исключении¹¹. Проведенная проверка показала значимое негативное влияние на качество модели от их совместного исключения (падение объяснительной силы согласно тесту Хосмера — Лемешова). И хотя тест на совместное исключение факторов 2, 6, 7 и 9 из модели показывает, что эффект от их совместного появления равен нулю, мы их оставили в уравнении, т. к. существующая литература¹² рекомендует в таких случаях незначимые факторы оставлять. Тест на проверку спецификации показал, что логистическая зависимость выбрана верно¹³.

¹⁰ Графические иллюстрации влияния некоторых ключевых основных и совместных эффектов на вероятность абсолютной бедности в разных возрастных когортах опубликованы в работе: *Anikin V.A. Russia in post-transition: New frontiers // The Journal of Comparative Economic Studies*. 2017. Vol. 12.

¹¹ Использовался адаптированный тест правдоподобия (скорректированный по методу Bonferroni-adjusted t statistics). Адаптированный тест правдоподобия использовался по причине расчета робастных оценок стандартных ошибок для коэффициентов анализируемых регрессоров.

¹² Подробнее см.: *Hosmer D., Lemeshow S. & Sturdivant R.X. Applied Logistic Regression (3rd Edition)*. New York: John Wiley & Sons, 2013.

¹³ Аналогичным образом были протестированы все следующие модели, в т. ч. те, зависимой переменной в которых выступал факт попадания индивидом в относительную бедность.

Таблица 2.26
Факторы попадания в абсолютную бедность на основе логит-регрессионного анализа,
данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г.¹⁴

Факторы бедности	Регрессионная модель				
	1	2	3	4	5
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	1.509*** (0.165)	1.545*** (0.165)	1.532*** (0.165)	1.550*** (0.165)	1.538*** (0.165)
2. Наличие в семье инвалидов 1- и 2-й групп или неработающих пенсионеров	-0.0942 (0.146)	-0.0908 (0.145)	-0.0804 (0.145)	-0.0833 (0.145)	-0.0737 (0.145)
3. Наличие в семье несовершеннолетних детей	0.962*** (0.111)	1.007*** (0.112)	1.022*** (0.113)	1.017*** (0.112)	1.033*** (0.113)
4. Образование среднее специальное и ниже	0.460** (0.186)	1.637*** (0.309)	1.681*** (0.315)	1.710*** (0.312)	1.754*** (0.320)
5. Характер профессионально-должностной позиции	0.470** (0.207)	0.554** (0.234)	0.534** (0.235)	0.493** (0.229)	0.467** (0.229)
6. Негосударственное предприятие	-0.125 (0.117)	-0.127 (0.118)	-0.120 (0.118)	-0.113 (0.117)	-0.105 (0.118)
7. Неофициальное оформление на работу или «серая» заработная плата	0.202* (0.107)	0.189* (0.108)	0.182* (0.108)	0.194* (0.108)	0.188* (0.109)
8. Отсутствие властного ресурса на работе	0.488*** (0.116)	0.508*** (0.116)	0.503*** (0.116)	0.497*** (0.116)	0.492*** (0.116)

¹⁴ В скобках указаны робастные отклонения; знаками «***», «**», «*» отмечены, соответственно, 99, 95 и 90-процентные доверительные интервалы. Фоном выделена модель, которая, на наш взгляд, является наиболее подходящей для используемых данных

Продолжение табл. 2.26

9. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	-0.144 (0.237)	-0.153 (0.243)	-0.116 (0.244)	-0.142 (0.243)	-0.104 (0.243)
	0.333** (0.150)	0.349** (0.152)	0.341** (0.150)	0.354** (0.152)	0.346** (0.150)
11. Проживание в сельской местности	1.132*** (0.114)	0.467 (0.301)	0.512* (0.301)		
	0.233** (0.103)	0.402*** (0.123)	0.399*** (0.123)	0.365*** (0.119)	0.358*** (0.119)
13. Возраст	0.116*** (0.0381)	0.123*** (0.0384)	0.103*** (0.0392)	0.122*** (0.0383)	0.102*** (0.0392)
	-0.00164*** (0.000482)	-0.00173*** (0.000485)	-0.00173*** (0.000493)	-0.00170*** (0.000483)	-0.00171*** (0.000491)
15. Совместный эффект образования и профессиональной позиции		-1.422*** (0.363)	-2.495*** (0.590)	-1.499*** (0.365)	-2.532*** (0.590)
		1.105*** (0.296)	1.055*** (0.295)	1.496*** (0.170)	1.484*** (0.169)
17. Совместный эффект проживания в сельской местности и пола		-0.498** (0.228)	-0.490** (0.228)	-0.350* (0.210)	-0.329 (0.210)
			0.0284** (0.0125)		0.0273** (0.0124)
18. Совместный эффект профессиональной позиции, образования и возраста	-5.061*** (0.741)	-5.263*** (0.751)	-4.531*** (0.796)	-5.177*** (0.748)	-4.464*** (0.794)
	Константа				
Количество наблюдений	2537	2537	2537	2537	2537

На последующих шагах нами включались в модель различные множественные взаимодействия: а) совместный эффект образования и профессиональной позиции, б) профессиональной позиции и проживания в сельской местности¹⁵, в) проживания в сельской местности и пола, г) профессии, образования и возраста и пр. Включение в модель множественных взаимодействий (multiple interactions) не привело к значимым изменениям в ее качестве (табл. 2.27). Однако исключение из модели triple interaction effects между профессией, образованием, типом поселения и полом значительно улучшило ее качество (модель № 2 в табл. 2.26). Последующее добавление совместного эффекта образования, профессии и возраста также оказалось значимым (модель № 3), хотя и не привело к существенному улучшению качества модели, а даже несколько его снизило (отрицательный тест Хосмера — Лемешова, а также сравнение BIC' моделей № 3 и 2 не в пользу модели № 3). В то же время модель № 3 все же лучше по своим характеристикам, чем модель № 1 (на основании сравнения BIC'). Таким образом, наилучшим образом объясняет факт попадания в абсолютную бедность модель № 2.

В качестве улучшения модели фактор № 11 (проживание в сельской местности) был исключен из дальнейшего анализа, т. к. при включении в модель совместных эффектов (в т. ч. включающих в себя этот фактор) он терял свою значимость. При удалении фактора № 11 общее качество модели улучшилось, однако немного упала ее предсказательная сила (согласно тесту Хосмера — Лемешова). Сопоставление между собой моделей № 2, 3, 4 и 5 показало, что модель № 4 оказывается наилучшей из них. Именно эта модель и была выбрана нами как рабочая для анализа факторов **абсолютной бедности**. Отметим сразу, что в итоговой модели $\frac{3}{4}$ всех факторов, заложенных в основу анализа, оказались значимыми (9 из 13).

Как видно из регрессионной модели № 4 (табл. 2.26), *бедность в настоящее время формируется по большей части за счет факторов, связанных с иждивенческой нагрузкой (преимущественно*

¹⁵ При оценке эконометрических моделей абсолютной бедности наименее робастным оказался эффект проживания в сельской местности. Исключение этого фактора из модели при условии учета его в совместных эффектах с профессиональным статусом и полом позволяет добиться лучших статистических показателей качества модели и ее предсказательной силы. Это отражено в модели № 4 (табл. 2.26).

Таблица 2.27

Результаты проверки качества построенных моделей
факторов абсолютной бедности

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Hosmer – Lemeshow chi2 (8)	Prob > chi2
1	0.142	–1204.002	–328.380	0.963	5.34	0.7208
2	0.151	–1187.808	–337.251	0.952	8.39	0.3967
3	0.150	–1184.924	–335.180	0.954	14.59	0.0676
4	0.152	–1188.926	–342.854	0.951	10.01	0.2645
5	0.150	–1186.252	–340.364	0.953	18.34	0.0188

неработающими членами семьи и детьми), а также с качеством человеческого капитала индивида (и, как следствие, его переговорной силой на рынке труда и характером занимаемой им профессионально-должностной позиции) и ситуацией на локальных рынках труда, различающихся в разных типах населенных пунктов. Иные же факторы (в частности, связанные с полом и возрастом индивида, неофициальным оформлением на работу и отсутствием властного ресурса на ней, отсутствием собственного жилья и т. п.) хотя и усиливают шансы попасть в бедность, но в меньшей степени. Таким образом, на вероятность иметь доходы ниже установленного в регионе проживания прожиточного минимума влияют, с одной стороны, факторы, обуславливающие низкие зарплаты, а с другой — необходимость тратить свои доходы на других членов семьи в силу наличия иждивенческой нагрузки.

Рассмотрим теперь, какие факторы влияют на вероятность попадания в число бедных, выделенных в рамках относительного подхода к стратификации, т. е. имеющих среднедушевые доходы не более 0,5 региональной медианы доходного распределения. Напомним, что при анализе факторов относительной бедности в качестве предикторов выступали те же переменные, что и в случае с абсолютной бедностью, а в качестве зависимых переменных — факт принадлежности к группе относительно бедных, т. е. тех, чьи среднедушевые доходы не более половины медианных по регионам их проживания.

На первом шаге моделирования (модель № 1) в анализ были включены все тринадцать потенциальных факторов бедности. Од-

нако лишь шесть из них (№ 1, 3, 8, 10, 11, 12) оказались значимы хотя бы на 95-процентном доверительном интервале (табл. 2.28). Таким образом, уже на первом шаге моделирования стало видно, что относительная бедность определяется более узким набором факторов, чем абсолютная бедность.

Таблица 2.28

Факторы попадания в относительную бедность на основе логит-регрессионного анализа, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г.

Факторы бедности	Регрессионная модель			
	1	2	3	4
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	1.514*** (0.227)	1.500*** (0.225)	1.532*** (0.227)	1.507*** (0.225)
2. Наличие в семье инвалидов 1- и 2-й групп или неработающих пенсионеров	0.282 (0.240)		0.280 (0.242)	0.296 (0.239)
3. Наличие в семье несовершеннолетних детей	1.194*** (0.214)	1.236*** (0.207)	1.202*** (0.216)	1.272*** (0.207)
4. Образование среднее специальное и ниже	0.0601 (0.322)			
5. Характер профессионально-должностной позиции	0.730* (0.397)	0.754*** (0.256)	0.597** (0.278)	0.587** (0.278)
6. Негосударственное предприятие	-0.235 (0.199)		-0.228 (0.202)	-0.222 (0.202)
7. Неофициальное оформление на работу или «серая» заработная плата	0.282 (0.193)		0.287 (0.195)	0.293 (0.193)
8. Отсутствие властного ресурса на работе	0.626*** (0.218)	0.657*** (0.222)	0.607*** (0.223)	0.600*** (0.222)
9. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	0.306 (0.343)		0.312 (0.348)	0.283 (0.346)
10. Отсутствие собственного жилья	0.632*** (0.226)	0.630*** (0.224)	0.652*** (0.228)	0.646*** (0.226)
11. Проживание в сельской местности	0.740*** (0.189)	0.738*** (0.187)		
12. Женский пол	0.725*** (0.192)	0.752*** (0.192)	0.742*** (0.193)	0.738*** (0.193)

Продолжение табл. 2.28

13. Возраст	0.0662		0.0693	
	(0.0578)		(0.0571)	
14. Возраст (квадратичный)	–0.000842		–0.000877	
	(0.000711)		(0.000706)	
15. Совместный эффект образования и проживания в сельской местности			0.952***	0.941***
			(0.207)	(0.207)
Константа	–6.789***	–5.555***	–6.718***	–5.471***
	(1.178)	(0.334)	(1.160)	(0.344)
Количество наблюдений	2537	2537	2537	2537

Тестирование модели на ее потенциальное ухудшение в связи с удалением переменных методом адаптированного теста правдоподобия показало, что исключение из дальнейшего моделирования незначимых переменных ухудшает ее объяснительную силу согласно результатам теста Хосмера — Лемешова (табл. 2.29). По этой причине на следующих шагах моделирования указанные факторы сохранялись в различной комбинации (в зависимости от того, какие совместные эффекты добавлялись в модели для их улучшения). Как показал анализ, совместные эффекты, значимые в объяснении абсолютной бедности (№ 15–18 в табл. 2.26), оказались незначимы, в то время как при объяснении относительной бедности значимым был совместный эффект от уровня полученного образования и проживания в сельской местности. Однако при добавлении указанного совместного эффекта самостоятельные факторы проживания в сельской местности (№ 11) и уровня образования (№ 4) стали незначимыми, практически равными нулю, а их удаление не оказало значимого влияния на объяснительную способность модели. Итогом этого этапа моделирования стала модель № 3, которая хотя и была хуже модели № 2, однако обладала более высокой объяснительной силой. На последнем этапе моделирования из модели был исключен фактор возраста, который был незначим во всех предшествовавших моделях. Его исключение привело к значимому улучшению качества модели по сравнению с моделью № 3 (существенное снижение BIC') и повышению объяснительной силы модели (по результатам теста Хосмера — Лемешова).

Исходя из улучшения качества модели и предпосылки, что наилучшей является модель, включающая в себя меньшее количество предикторов, в качестве рабочей и итоговой для анализа факторов **относительной бедности** была выбрана модель № 4.

Таблица 2.29

Результаты проверки качества построенных моделей
факторов относительной бедности

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Hosmer – Lemeshow chi2 (8)	Prob > chi2
1	0.111	–476.622	–42.931	0.388	4.95	0.7626
2	0.118	–479.673	–91.700	0.384	17.24	0.0277
3	0.118	–473.981	–56.052	0.385	8.35	0.4003
4	0.120	–474.551	–70.590	0.384	8.05	0.4281

Как видно из наилучшей модели (№ 4)¹⁶ в табл. 2.28, к относительной бедности приводит прежде всего наличие в домохозяйстве неработающих трудоспособных членов семьи и несовершеннолетних детей. Значимо сказываются на вероятности оказаться в группе с доходами не более 0,5 медианы регионального распределения доходов и отсутствие властного ресурса на рабочем месте, характер занимаемой профессионально-должностной позиции, а также гендерные различия. Бóльшими рисками относительной бедности обладают проживающие в сельской местности россияне с образованием не выше среднего специального. Таким образом, относительную бедность объясняет лишь половина всех ключевых факторов абсолютной бедности.

Дискуссионными, но все же не включенными в итоговую модель были факторы, связанные с наличием в семье инвалидов

¹⁶ Эффект проживания в сельской местности при анализе факторов относительной бедности, как и в случае с моделями факторов абсолютной бедности, оказывается очень нестабильным. Исключение его из модели и учет в паре с низким образованием позволяет добиться более высокого качества модели. С содержательной точки зрения это говорит о том, что тип поселения сам по себе не является самостоятельным фактором, приводящим к бедности, а выступает как контекстная переменная, которая усиливает фундаментальные показатели (низкого профессионального статуса в случае абсолютной бедности и образования — при относительной).

1-й или 2-й групп, неработающих пенсионеров, алкоголиков, наркоманов, а также ряд факторов, связанных с рабочим местом, — неофициальный характер оформления, получение «серых» зарплат и занятость на негосударственном предприятии.

В целом по итогам нашего регрессионного анализа можно сказать, что наличие в семье неработающих трудоспособных и детей приводит и к абсолютной, и к относительной бедности. Основное различие между типами бедности кроется в том, что для абсолютной бедности существенно более значимы факторы, связанные с образованием человека и его положением на рынке труда, в то время как при объяснении относительной бедности последние оказываются малозначимыми, а фактор образования вообще оказывается относительно незначимым, если его рассматривать в качестве основного эффекта, и приобретает значимость лишь в паре с типом поселения. О чем это говорит, если учесть, что в октябре 2015 г. среднедушевыми доходами менее 0,5 региональной медианы обладали 6,3% всех россиян, в то время как доходами менее 1 прожиточного минимума — 24,9%, и что практически все относительно бедные (99,1%¹⁷) являются абсолютно бедными, т. е. обладают доходами ниже прожиточного минимума? Это говорит о том, что *для относительной бедности, которая распространена гораздо меньше, чем абсолютная, а уровень доходов представителей которой гораздо ниже¹⁸ (при том, что дефицит доходов, напротив, выше), чем у представителей абсолютной бедности, наибольшее значение имеет соотношение работающих членов семьи и иждивенцев. Для представителей же абсолютной бедности важную роль играют факторы, связанные с особенностями локального рынка труда.* При этом бедность их в среднем не так глубока, зато численность их в разы больше, чем лиц с доходами не более 0,5 региональной медианы душевых доходов.

¹⁷ Остальные респонденты проживали в домохозяйствах, уникальный состав которых, несмотря на малые среднедушевые доходы в них, не позволял им быть официально признанными в качестве «бедных».

¹⁸ Так, в расчете на 1 члена домохозяйства в группе абсолютно бедных (т. е. обладающих доходами ниже величины прожиточного минимума) в среднем приходилось в 2015 г. 7 726 руб., в то время как в группе относительно бедных (с доходами менее 0,5 региональной медианы душевых доходов) — 4 990 руб. (медианные показатели душевых доходов в этих группах составляли тогда 8 000 и 5 000 руб. соответственно).

Рассмотрим теперь, как столь значимое (четырёхкратное) отличие в размерах отражается на социально-демографических и экономических характеристиках двух этих групп в сравнении с небедным населением. Как показали результаты регрессионного анализа, одним из ключевых факторов бедности для обеих ее видов выступает **иждивенческая нагрузка**. Однако несмотря на то, что характер иждивенческой нагрузки (преимущественно детьми и безработными) в группах абсолютно и относительно бедных достаточно схож, относительная бедность все же имеет значимое отличие — в составе этих домохозяйств в 1,5 раза выше доля неработающих членов семей, находящихся в трудоспособном возрасте (табл. 2.30).

Таблица 2.30

Наличие иждивенцев в домохозяйствах бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %¹⁹

Типы иждивенцев	Население с доходами более 1 ПМ	Население с доходами менее 1 ПМ	Население с доходами менее 0,5 региональной медианы
Безработные	4,6	19,6	31,5
Инвалиды 1–2-й групп	5,6	5,7	6,9
Хронически больные	1,1	2,5	3,4
Неработающие пенсионеры	29,4	23,0	23,7
Неработающие студенты	14,8	19,3	19,0
Несовершеннолетние дети	34,0	58,6	61,6
Нет никого из них	27,8	11,4	6,0

Неработающие в трудоспособных возрастах присутствуют практически в каждом третьем относительно бедном домохозяйстве, в то время как в домохозяйствах с доходами ниже прожиточного минимума — лишь в каждом пятом. Если же говорить о специфике домохозяйств бедного и небедного населения, то главным их отличием является высокая доля домохозяйств с детьми у представителей домохозяйств обоих типов бедности и в разы большая доля домохозяйств без иждивенческой нагрузки среди небедных. Эти особенности являются значимыми отличительными чертами относительной бедности.

¹⁹ Жирным шрифтом и фоном выделены наиболее характерные отличия у различных групп.

Говоря о **здоровье** представителей групп бедных, стоит отметить, что их самооценки своего здоровья довольно близки: каждый пятый оценивает свое здоровье как плохое (20,7% у представителей обеих групп при 13,4% у небедных). Таким образом, плохое состояние здоровья выступает одним из ключевых рисков попадания в бедность любого типа, однако не дифференцирует два этих типа бедности между собой.

Важное место среди социально-демографических особенностей бедных занимает **размер их домохозяйств**. Как видно из рис. 2.27, для всех бедных характерны большие (более 4 человек) домохозяйства, причем для относительно бедных это характерно даже в большей степени — каждое четвертое относительно бедное домохозяйство состоит минимум из 5 человек, в то время как среди абсолютно бедных — уже каждое пятое. В то же время для небедного населения проживание широкими семьями в принципе нетипично (7,9%). Из представленных данных можно сделать вывод, что крупным семьям оказывается тяжелее поддерживать типичный для их региона проживания уровень жизни. И это не удивительно: детальный анализ расширенных семей, проведенный в предшествующих исследованиях²⁰, показал, что они чаще всего представлены проживающими в сельской местности семьями, либо семьями с большим количеством детей, либо широкими многопоколенными семьями с детьми.

Таким образом, к относительной бедности приводит не сам по себе большой размер таких домохозяйств, а те факторы, которые чаще всего этому сопутствуют — иждивенческая нагрузка и проживание в сельской местности, где вероятность оказаться в числе бедных вообще относительно больше (рис. 2.28). Риск оказаться за чертой бедности в селах и поселках городского типа объективно выше, чем в городах, за счет специфики их рынка труда. Так, доля обладающих доходами менее прожиточного минимума в составе населения сел и ПГТ составляет 35,9%, в то время как в областных, краевых и районных центрах — уже 21,7%, а в столицах — 13,6%. Это же отражается и на обратном показателе — доле городских и сельских жителей в составе бедного и небедного населения (рис. 2.28). Объективность этого риска подтверждается и тем, что сами россияне указывают проживание в бедном регионе (городе, районе, местно-

²⁰ Слободенюк Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Ecomomicus. 2014. Т. 12. № 4.

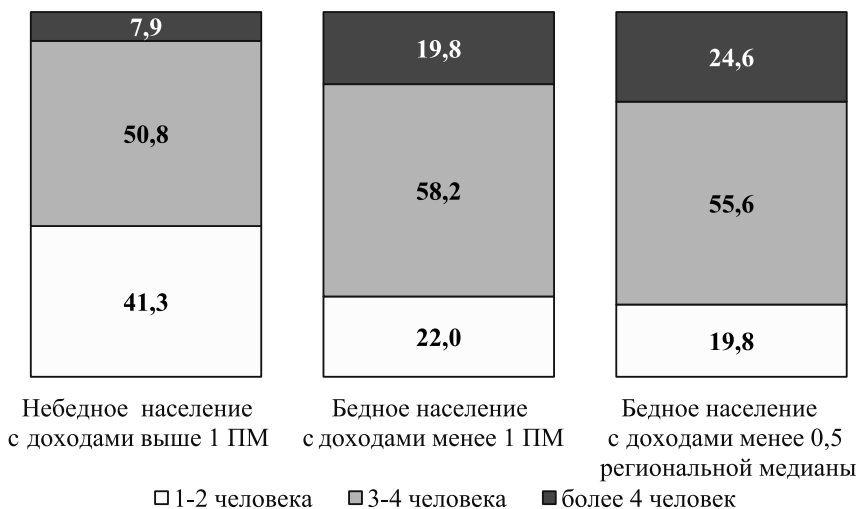

Рис. 2.27. Размер домохозяйств бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

сти) как значимый фактор бедности. При ответе на вопрос о причинах бедности их ближайших знакомых (среди тех, кто имел таких знакомых), в числе пяти главных указанная причина фигурировала в ответах 12,5% небедных и 13,5% бедных россиян.

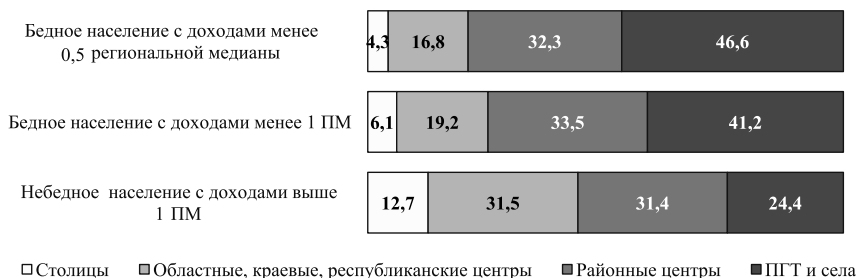

Рис. 2.28. Место проживания бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

Как видим, несмотря на сходство относительно и абсолютно бедных по ключевым социально-демографическим характеристикам, все характерные социально-демографические особенности бедных проявляются у относительно бедных даже ярче, чем у имеющих

доходы ниже прожиточного минимума. Проявляется ли эта закономерность также применительно к работающим представителям анализируемых групп бедных?

Как показали предыдущие исследования, доминирующий тип бедности в России — это индустриальная бедность, или «бедность эксплуатируемого труда», связанная с низкими зарплатами российских работников, и прежде всего лиц, занятых физическим трудом²¹. Наш анализ **профессионально-должностных позиций**, которые занимают представители двух групп бедного населения, данное наблюдение подтверждает и дополняет. Так, рабочие составляют большую часть среди всех вовлеченных в трудовые отношения абсолютно и относительно бедных — 45,0 и 41,4% соответственно (табл. 2.31). Однако *низко- и неквалифицированные рабочие (1–2-го разрядов и без разряда) чаще попадают в относительную бедность (которая, напомним, более глубока, чем абсолютная), чем в абсолютную* (19,0 против 12,9%). В чуть большем количестве в относительной бедности представлены и рядовые работники сферы обслуживания и торговли (21,1 против 17,6% у абсолютно бедных) (табл. 2.31).

Различия в занимаемых профессионально-должностных позициях у бедных обуславливаются, однако, отнюдь не в **уровне их образования**, который у абсолютно и относительно бедных достаточно схож. Так, каждый четвертый из их числа обладает образованием ниже среднего специального (25,2 и 24,5% у представителей абсолютно и относительно бедных при 14,3% у небедных), а каждый второй — средним специальным или неоконченным высшим (53,9 и 57,1% соответственно, при 47,0% у небедного населения). Практически каждый пятый среди абсолютно и относительно бедных (20,9 и 18,4% соответственно) обладает при этом высшим образованием.

Наиболее значимые отличия между двумя группами бедных заключаются в том, каков характер их **трудовых отношений, вытекающий из их места на рынке труда**. Несмотря на то, что $\frac{2}{3}$ представителей обеих групп работают на постоянной основе (67,7 и 63,4% абсолютно и относительно бедных соответственно), относительно бедные в 1,5 раза чаще заключают временные письменные договора: 24,8 против 16,8% у абсолютно бедных. В результате относительно

²¹ Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1.

Таблица 2.31

Профессионально-должностные позиции, на которых работают представители бедного и небедного населения, данные ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., % от работающих²²

Профессионально-должностные позиции	Небедное население с доходами выше 1 ПМ	Бедное население с доходами менее 1 ПМ	Бедное население с доходами менее 0,5 региональной медианы
Предприниматель, имеющий наемных работников	1,6	0,9	0,0
Руководитель, заместитель руководителя предприятия или учреждения	6,3	3,3	2,1
Специалист на должности, предполагающей в/о, в т. ч. офицеры	30,1	14,6	15,0
«Самозанятый» (ИТД, частная практика) / имеющий чисто семейный бизнес	1,8	0,8	2,0
Служащие, работающие на должностях, не требующих высшего образования	13,8	17,1	16,3
Рядовой работник торговли и сферы бытовых услуг	11,5	17,6	21,1
Рабочие от 5-го разряда	15,5	15,5	12,2
Рабочие (3–4-й разряд)	11,9	16,6	10,2
Рабочие (1–2-й разряд и без разряда)	6,5	12,9	19,0
Другое	1,0	0,8	2,0

бедные в течение кризисного 2014 г. чаще теряли свое рабочее место (12,9%, в то время как среди абсолютно бедных таких было лишь 8,3%, а среди небедного населения — 3,3%). Более того, значительно чаще потерявшие работу среди относительно бедных не могли ее потом найти — вдвое чаще, чем абсолютно бедные, и в пять раз — чем небедные. Так, с фактом потери работы в течение года, предшествовавшего опросу, столкнулись 11,2, 20,0 и 3,7% абсолютно бедных, относительно бедных и небедных. Значимо чаще относительно

²² Фоном и жирным шрифтом выделены позиции, в наибольшей степени характерные в 2015 г. либо для бедного, либо для небедного населения.

бедные заявляли и об ущемлении своих трудовых прав на рабочем месте: 13,6% из них задерживали заработную плату более месяца, 8,2% были отправлены в неоплачиваемый отпуск, а практически у половины работающих представителей этой группы (41,5%) значительно сократился доход из-за трудностей, с которыми столкнулось их предприятие в течение кризисного 2014 г. (в то время как среди абсолютно бедных с такими трудностями их работающие представители сталкивались значительно реже — в 8,0, 5,8 и 29,2% случаев, среди небедного же населения — в 4,9, 4,9 и 27,5% соответственно). Таким образом, представители относительной бедности, являющиеся самой неблагополучной частью российских бедных, характеризуются не только меньшей вероятностью занятости и во многом вытекающей из этого повышенной иждивенческой нагрузкой, о чем как их наиболее характерной черте уже говорилось выше, но и гораздо худшим качеством занимаемых ими рабочих мест даже в случае наличия у них занятости. И это проявляется не только в особенностях их отношений с работодателями или уровне их зарплат (зарплаты относительно бедных в среднем примерно в 1,2 раза ниже, чем у абсолютно бедных), но и в том, что трудности в российской экономике в последние годы сильнее всего ударили именно по их доходам.

Подведем итоги.

Применение методологии относительного подхода к бедности, в качестве черты бедности при котором выступает 0,5 региональной медианы душевых доходов, позволяет в условиях современной России выделить значимо меньшую долю бедных (6,3% населения), чем применение абсолютной методологии, опирающейся на показатель прожиточного минимума (24,9% населения). При использовании относительной черты бедности среднедушевые доходы всех относительно бедных оказываются ниже регионального прожиточного минимума. Кроме того, их доходы меньше, чем у абсолютно бедных, что позволяет говорить о них как о представителях глубокой бедности в отличие от абсолютно бедных, чья бедность в большинстве случаев не столь глубока. Возможно, поэтому в группе относительной бедности все черты, характерные для российской бедности в целом, проявляются даже более ярко, чем среди абсолютно бедных. Однако, несмотря на внешнюю схожесть двух этих групп, относительно бедные имеют свою специфику, заклю-

чающуюся преимущественно в большей распространенности среди них незанятости трудоспособных взрослых и высокой иждивенческой нагрузки, а для работающих — в характере их рабочих мест, отражающемся в т. ч. в размере их заработных плат²³. Несмотря на то, что образовательный уровень относительно и абсолютно бедных практически идентичен, относительно бедные чаще занимают рабочие места, в меньшей степени гарантирующие их трудовые права. В результате такого их положения на рынке труда в условиях кризиса относительно бедные чаще теряют работу, а в случае сохранения рабочего места — сталкиваются с вынужденным выходом в неоплачиваемый отпуск, сокращением (или задержкой) заработных плат и т. п. Отчасти такая ситуация объясняется, видимо, концентрацией относительной бедности в сельской местности с характерным для нее узким рынком труда.

Все это позволяет утверждать, что методика относительно-го подхода, опирающаяся на 0,5 региональной медианы душевых доходов как критерий «черты бедности», выделяет в условиях современной России наиболее уязвимую часть бедных россиян. При этом только ими бедность в нашей стране не ограничивается и реально распространена гораздо шире.

Если же говорить о факторах бедности, то главным среди них для всех бедных из любых групп выступает недостаточность заработков работающих членов семьи для содержания проживающих в них иждивенцев. Что же касается работающих бедных, то главным фактором их бедности выступает специфика их производственных позиций, не позволяющих претендовать на большую зарплату — отчасти из-за качества их человеческого капитала, а отчасти — из-за состояния тех локальных рынков труда, на которых они ищут себе работу.

²³ Средний уровень заработных плат в группе абсолютно бедных составлял в 2015 г. 14 420 руб., в то время как в группе относительно бедных — 11 977 руб. (медианные показатели заработных плат в этих группах составляли 12 000 и 10 000 руб. соответственно).

Сведения об авторах

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Член редколлегий и редакционных советов журналов «Общественные науки и современность», «Вестник Института социологии», «Социологическая наука и социальная практика», «Журнал исследований социальной политики». Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социальная трансформация и социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Work and Welfare in the New Russia» (London, 2000, в соавторстве), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), «Poverty and Social Exclusion in the New Russia» (London, 2004 и 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Health and Health Care in the New Russia» (London, 2008, в соавторстве), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014) и др. Руководитель свыше 40 проектов по различной тематике.

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, доцент, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: проблемы модернизации, социальная стратификация, экономика народонаселения, современные методы анализа количественных данных. Автор более 70 научных работ,

в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в монографиях по результатам общероссийских исследований («Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России» (2017) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблемам динамики социальной структуры российского общества, социальной политики, вопросам модернизации российской экономики и общества.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура российского общества, рабочие как особая социально-профессиональная группа российского общества, человеческий капитал различных профессиональных групп, социально-экономическая адаптация населения. Автор более 20 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная политика, социальная стратификация российского общества, социально-демографические процессы, социокультурная динамика. Автор более 60 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах; глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов («The youth and social change:

a comparative study between China and Russia» (2014), «People's dreams in China and in Russia» (2015), «Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries» (2018) и др.) и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Бедность и бедные в современной России» (2014), Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, средний класс, социокультурная динамика. Автор более 90 научных работ, в т. ч. монографии «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов («Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective» (2013), People's dreams in China and in Russia (2015), Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries (2018) и др.); глав в ряде российских монографий по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних

исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др.), а также статей в ведущих научных журналах. Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, малообеспеченность, бедность. Автор 15 научных работ, в т. ч. статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных российских монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016), «Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах» (2015) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества.

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

Раздел 1. Построение модели доходной стратификации: теоретико-методологические основания и особенности отдельных групп и слоев

Глава 1.1. Проблема построения моделей доходной стратификации в социальных науках	10
Глава 1.2. Выделение гомогенных доходных групп: вопросы методики.....	49
Глава 1.3. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа с помощью методов статистической классификации	71
Глава 1.4. «Пороги» между доходными группами: результаты анализа рисков бедности.....	93
Глава 1.5. Особенности жизни и потребления представителей различных доходных групп	117

Раздел 2. Модель доходной стратификации российского общества: сравнительно-динамический анализ и факторы

Глава 2.1. Модель доходной стратификации российского общества: динамический анализ	148
Глава 2.2. Сравнение моделей доходной стратификации в России и в других странах	174
Глава 2.3. Трансформация модели доходной стратификации в России: динамический анализ в международном контексте (1990–2010-е гг.)	201
Глава 2.4. Территориально-поселенческая вариативность доходной стратификации в России: состояние и тенденции изменений.....	225

Глава 2.5. Факторы принадлежности к различным доходным группам и слоям.....	245
Глава 2.6. Факторы относительной и абсолютной бедности	273
Заключение	294

Приложения

Приложение 1.....	306
Приложение 2.....	314
Приложение 3.....	315
Приложение 4.....	316
Приложение 5.....	317
Приложение 6.....	318
Приложение 7.....	320
Приложение 8.....	321
Приложение 9.....	322
Приложение 10	323
Приложение 11	324
Приложение 12	325
Приложение 13	327
Приложение 14	328
Приложение 15	329
Приложение 16	330
Приложение 17	331
Приложение 18	332
Приложение 19	333
Приложение 20	334
Приложение 21	336
Приложение 22	340
Приложение 23	350
Приложение 24	354
Приложение 25	358
Сведения об авторах	363